

Мастерская полностью сделана по моим эскизам, я сам мешал краски, подбирал тон, цвет и так далее.

— **А увлечение кинематографом тогда шло параллельно?**

— Да. После окончания вуза я некоторое время работал оператором еще на таких огромных, тяжелых, наверное, килограммов по 80, камерах. Потом там же, в Киеве, закончил режиссерские курсы. Хотя, конечно, обучить этой профессии невозможно. Но, по крайней мере, технику монтажа, ощущение внутрикадрового пространства я освоил! К тому же ведь и архитектурная отрасль настолько универсальна, так много в себя вмещает. Режиссеру так же, как и художнику, и архитектору, нужно обладать четко выверенным знанием совокупности цвета, ритма, формы. Эти профессии, на мой взгляд, во многом схожи.

— **И как же ты все-таки очутился в Москве?**

— Дело в том, что я не живу в родительском доме лет с пятнадцати. Тя-

га к приключениям, охота к перемене мест владели мной всегда, и я скитался обычно по разным обиталищам. С раннего детства был сам себе капитаном, да и к тому же старшим ребенком в семье. Еще у меня есть брат Тарас, который младше на полтора года, и младшая сестренка Нина, с которой у нас разница достаточно приличная. А возвращаясь к твоему вопросу, поводом для отъезда в столицу послужила романтическая история. 1988 год, Киев, первая любовь. Мы то сходились, то расходились, и однажды я понял, что сосуществовать в одном географическом измерении с этим человеком я не смогу. Тогда и решил кардинально поменять свою жизнь. Бросил в чемодан пару футболок, зубную щетку, несколько книг и ломанулся в Москву, абсолютно не имея понятия даже, где остановлюсь.

— **Где же ты осел?**

— В Фурманном переулке, в художественных мастерских. То время было замечательным: взлет соц-арта, острейший бум на российскую живопись. К нам съезжались галеристы, коллекционеры со всех стран мира. Это был период, когда художники из нищих, оборванных, полуголодных маргиналов за очень короткий срок превращались в богатых, сытых, разъезжающих на дорогих авто творцов. Одним словом, и меня тогда кормила живопись.

— **Дорого продавал свои полотна?**

— Я бы не стал себя сравнивать с художниками, которые выставляли свои картины на аукционе "Сотбис", там речь шла уже о десятках тысяч фунтов стерлингов. Но мне на жизнь хватало.

— **Живопись была единственным твоим занятием в Москве?**

«Легендарный дом художников в Фурманном переулке. Слева мой друг Сережа Тимофеев, познакомивший меня с Дибровым».

— Нет. Еще во время учебы в институте я обучался игре на кларнете и играл на ударной установке. А здесь организовал свою музыкальную группу, которая называлась "Микрохирургия". Мы записывали такие крохотные, по 20—30 секунд, композиции, я сочинял музыку, стихи, пел. А когда давал готовые произведения прослушивать знакомым, заметил странную деталь: на них как-то по-особенному реагировали дети и душевнобольные. Дети затихали, а душевнобольные млеи и блаженно улыбались.

— **А откуда ты знаешь, как реагировали душевнобольные?**

— Ну, художники частенько общаются с самой неожиданной публикой, в том числе, скажем, и с людьми с так называемой альтернативной психоструктурой. Так вот, памятуя об этом, наша группа решила поехать на гастроли в Австрию

и дать ряд концертов в частных психиатрических клиниках. В то время, помню, у меня было такое окрыленное состояние, казалось, что весь мир только и ждет моего прихода. К сожалению, уже прилетев в страну, мы столкнулись с чудовищной бюрократической системой и, увы, до лечебниц так и не доехали.

— **Экий, Макс, ты в самом деле разносторонний, чем только не занимаешься...**

— Мне всегда неймется. Надо либо все, либо ничего. Я такой истеричный максималист, что, впрочем, соответствует данному мне имени. Например, в 1991 году я устроил себе эксперимент на выживание.

— **Каким образом?**

— Я решил проверить, смогу ли быстро адаптироваться в чужой языковой среде, не имея ни знакомых, ни денег, и поехал в Амстердам. Взял с собой не-

